

БРЕСТСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО: К ВОПРОСУ НАЗВАНИЯ, ДАТЫ СОЗДАНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Инокния Елена (Дмитрук)

Беларусь, г. Брест, Свято-Рождество-Богородицкий монастырь

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы названия, даты создания и прекращения существования Брестского (Берестейского) православного церковного братства в XVI – XVII вв. После тщательного анализа источников, автор утверждает, что датой создания «Берестейского братства» можно считать 26 октября 1591 г.

Ключевые слова: Брестское православное церковное братство; Берестейское братство; святой Афанасий (Филиппович); Диариуш берестейского игумена Афанасия.

Православные церковные братства XVI – XVII вв. в Западной Руси – это форма конфронтационного взаимодействия элиты польского государства (т. н. Речи Посполитой) и православной церкви в период гонений на последнюю, форма взаимопомощи православного сообщества. Брестское православное братство упоминается в ряде первых из созданных братств в Речи Посполитой, однако сведения о нём, в отличие от Львовского и Виленского, фрагментарны. Как правило это 2–3 страницы текста из монографий о братском движении, при этом чаще всего речь идёт не столько о братстве, сколько о его школе [1, с. 234–236; 2, с. 104–105; 3, с. 331–335]. Отдельной монографии, где бы оно системно анализировалось не существует. Первое же знакомство с литературой показывает и вскрывает проблемные моменты.

Во-первых, существует путаница с датой создания братства.

Во-вторых, несмотря на то, что устойчивыми в историографии стали термины «Брестское братство», «Брестское православное братство», в последнее десятилетие наметилась тенденция именовать его «Никольское братство», «Колядное братство» [4, с. 76; 5, с. 75–76.].

В-третьих, спорным является вопрос, когда братство прекратило своё существование. Всё это показывает, что в историографии Брестского православного братства не решены базовые проблемы, поэтому в его исследовании принято было опираться исключительно на данные источниковедения.

Эти и другие вопросы стали предметом нашего научного поиска.

На сегодняшний момент выявлено порядка десяти документов, где непосредственно упоминается Брестское православное братство. Их содержание достаточно однотипно. Например, пять документов из десяти касаются учреждения братства и школы. Они в сумме дают четыре даты основания братства. Все акты крайне противоречивы и не стыкуются между собой, что не позволяет провести классическое историческое исследование, кроме того, впору ставить вопрос о фальсификации части из них.

Для начала перечислим эти акты в хронологическом порядке.

В этом случае первым следует назвать документ *«Благословенная грамота епископа Владимирского и Брестского Мелетия Хребтовича, данная брестским мещанам на построение школы при соборной Брестской церкви»*

от 6 июля 1590 г., опубликованный в 11 томе «Археографического сборника документов, относящегося к истории Северо-Западной Руси» [6, с. 8–10]. Согласно вводной части, этот акт «покладал ку актикованю» (т. е. внёс и зарегистрировал) в городские (замковые) книги «отец Афанасий (Филиппович), законник игумен Св. Симеона» 8 января 1641 г., а «скоррыговал Павел Яркович» [6, с. 8–10]. Однако странно, что этот документ игумен не упоминает в своём Диариуше. Зато текст «епископского фундуша» [7, стлб. 64] с более поздней датой – от 26 октября 1591 г. – он приводит полностью.

Несмотря на то, что документ от 6 июля 1590 г. – это самый ранний документ по Брестскому братству, его упоминает только К. Харлампович, который попытался объяснить четыре даты основания Брестского братства как «расширение круга деятельности» [3, с. 332]. Остальные исследователи эту дату игнорируют. Возможно, что они осторожничают из-за комментариев издателей к документу: «Копии сей выписи из актовых городских книг староства Брестского мы не могли проверить, так как актов за 1641 г., в котором грамота епископа Мелетия Хребтовича подана для вписания, не сохранилась. Копия, как видно, списана неопытным писцом и потому в ней встречается много тёмных и неудобопонятных мест» [6, с. 10]. Кроме того, несмотря на то, что этот акт внёс в городские книги «отец Афанасий (Филиппович)», он нигде не упоминает о нём в Диариуше, наоборот ссылается только на другой документ – Лист епископа... от 26 октября 1591 г. [7, стлб. 64].

А вот на следующий акт с названием *«Жалованная подтвердительная королевская грамота Брестским православным мещанам о дозволении им при соборной Николаевской церкви иметь братство, по примеру тако же Львов и учредил при нём Русскую школу» от 28 января 1591 г.* – большинство исследователей рассматривает как учредительный документ Брестского братства. Именно эта дата фигурирует в монографии Флерова и др. Опубликована она в четвёртом томе «Актов, относящиеся к истории Западной России» под номером 28. Источником указана Литовская Метрика (Запис. кн. LXXVII, л. 261 и след.), озаглавлена как «Поверженье мещаном Берестейским, водлуг листу владыки Берестейского, на школу Рускую при церкви соборной» [8, с. 39].

В «Диариуше берестейского игумена Афанасия» в качестве учредительных документов на братство процитированы *Лист епископа Мелетия Хребтовича от 26 октября 1591 г.*, который автор называет ещё «фундуш епископский» [7, стлб. 64] и королевский *привилей «Во имя Божье станься...» от 11 октября 1592 г.*, который тоже получил второе название – «моцарский экстракт мещаном Берестейским» [7, стлб. 69–71].

Пятым документом, опубликованным в первом томе Актов, относящиеся к истории Южной и Западной России является *«Жалованная грамота Брестским православным жителям на учреждение братства при церкви св. Николая» от 11 октября 1592 г.* Акт взят из Литовской Метрики (Запис. кн. LXXVIII, л. 183 и 184), но его оригинальное заглавие здесь было частично утрачено, что издатель передал через многоточие и отражением концовки фразы – «... в церкви заложенья светого Николы предела Божоявления, прозываемо-го Глеба и Бориса». Возможно, что утрата случилась ещё в XVII в., потому игумен Афанасий (Филиппович) в своём Диариуше решил не воспроизводить заглавие, но привести первые слова самого документа «Во имя Божье станься...» [9, с. 243–244].

При сравнении имеющихся документов сразу бросается в глаза, что тот текст последнего документа, опубликованного в Актах Юго-Западной России [9, с. 243–244], и того, что преподобномученик Афанасий Брестский (Филиппович) в своём Диариуше называет «королевский привилей» «Во имя Божье станься...» [7, стлб. 69–70] совпадают как по содержанию (тексту), так и по дате. Оба документа начинаются со слов – «Во имя Божье станься...».

В Актах Юго-Западной России указано, что опубликованный документ взят из Литовской Метрики (Зап. Кн. LXXVIII Л. 183–184), а игумен Афанасий приводит текст, взятый в Варшаве из королевской канцелярии в сентябре 1641 г. [7, стлб. 69–71].

Таким образом, выявлены два документа с одинаковым текстом, но из двух различных мест, источников. А это многое говорит о высокой степени достоверности документа. В обоих фигурирует дата 11 октября 1592 г. Всё это позволяет верифицировать документ как, несомненно, подлинный.

Обращает на себя внимание тот факт, что перед нами документы двух видов. С одной стороны, это государственные акты: королевские привилеи от 28 января 1591 г. и от 11 октября 1592 г. С другой, это церковные документы, так называемые епископские фундуши от 6 июля 1590 г. и 26 октября 1591 г. Приоритет при определении даты, несомненно, должен быть отдан последнему виду, в связи с тем, что братства – это церковные учреждения. Кроме того, и во всех королевских привилеях источником права назван Лист епископа Мелетия Хребтовича или «фундуш епископский». Однако, если в документе от 11 октября 1592 г. чётко прямо в тексте указана дата выдачи Листа 26 октября 1591 г., то в королевском привилее от 28 января дата почему-то не фигурирует.

Методологически сравнение документов должно проводиться между актами одного вида. Критерии для сравнения – источник права, просители права (круг лиц), объём прав, подтверждение подписи короля. Таким образом, сравним тексты королевских привилеев от 28 января 1591 г. и от 11 октября 1592 г.

В первом документе разобраться кто является субъектом права очень сложно. С одной стороны, это «бурмистры, райцы, лавники». Таким образом перечислены должности исполнительной власти городского самоуправления (магистрата). С другой – указаны «цехмистры братству розных ремёсел», а значит речь идёт не об одном едином братстве, но о некоем, разделённом по роду профессии. Кроме того, право давалось «некоторым мещанам» без конкретного их указания. Странно выделение из мещан должностных лиц исполнительной власти городского самоуправления.

А вот во втором документе всё просто – просьбу королю подали «мещане места нашего Берестейского, люди народу Руского закону Греческого, братья церковного братства». Конкретно и чётко указан субъект, которому дано право.

Согласно Жалованной подтвердительной королевской грамоте от 28 января 1591 г., *просителям позволялось иметь при церкви Николая «школу свою местскую вольную Рускую, для науки детей их мещанских [...] з народу хрестиянского в науку языка Руского», «дом, збудованый через их самых на школу Рускую, с кгрунтом земляным», освобожденный «от всяких платов наших господрастких и местких».* И только в самом конце документа указано разрешение иметь «*братство духовное, прикладом места нашего Львовского*». За просителями закреплялось право быть «дозорцами (смотрителями) всяких порядков и

добр церковных, и даючи им моц и владзу мети, жебы они, будучи опекунами всяких порядков и дозорцами добр церковных, от всяких кривд и шкод боронили» [8, с. 37–39].

В этом плане королевская грамота «Во имя Божое станься...» от 11 октября 1592 г. куда шире по объёму прав, которые по-иному расположены. На первом месте поставлено разрешение непосредственно иметь *братство*, а «в всем ся в нём рядити и справовати порядком и прикладом мест наших Виленского и Лвовского вечными часы», «дом их братский ... от всяких платов и повинностей наших господарских и местских и от стояня в нём гостей... вызволяем и волным чиним вечными часы», «олтарь ... в котором поп их братский служити будет, ведлуг листу волности от владыки». «А для науки детей народу христианского всякого стану школу Греческого, Латинского, Полского и Руского языка, и людей учёных в тых школах волно ховати духовного и свецкого стану» [7, стлб. 71–72]. «Братством их самых, и церковью, олтаром, попами, школою и всею челядью братскою, так и грунтами, до братства и олтаря належачими, не мает ни хто справовати, толко они сами. [...] А хтобы ... на тое им братство церковное што надал, албо тестаментом описал, албо одпишет, то на все потомные часы при оном братстве их церковном вечне зоставати мает» [7, стлб. 71–72]. В отличие от предыдущего документа здесь определены не просто голословные права, но прописаны конкретные гарантии от государственной власти, чётко определены все элементы института частной собственности на имущество братства – держание, владение, распоряжение.

Несмотря на то, что разница между документами – полтора года, имена писарей, которые подтверждали подпись короля, разные. Привилей от 28 января 1591 г. подтверждён «Деметрием Халецким с Халеча, подскарбием земским, писарем великого князства Литовского», а от 11 октября 1592 г. – «Матей Война, писарь». Если просмотреть не один, а целый комплекс королевских документов этого периода, то, как правило, в большинстве из них фигурирует последний. А вот личность Дмитрия Халецкого известна с периода Брестской унии 1596 г. Он был назначен королевским посланником на униатский собор, соратник Ипатия Потоя. А последнего брестские мещане обвиняли в фальсификации, а точнее «вношение до книг змышлоных протестацыи и обещуючи их зовсьих мирь о горьло, честь и маетности приправит» [10, с. 170–171].

Смущает и название акта от 28 января 1591 г. «Жалованная подтвердительная королевская грамота...» или как в Литовской Метрике «Потверженье мещаном Берестейским...». Есть такое мнение, что «подтвердительные» акты выдавали в случае утери оригинального документа, но выдавали их изначальной датой оригинала при наличии свидетелей и не всегда давали комментарии о том, кто просил, почему утеряна и т. д. На данный момент пока это личные наблюдения, нет соответствующего научного исследования по ведению канцелярии Литовской Метрики.

Сравнение епископского фундуша, а точнее «Благословенной грамоты епископа Владимирского и Брестского Мелетия Хребтовича, данная брестским мещанам на построение школы при соборной Брестской церкви» от 6 июля 1590 г. [6, с. 8–10] и *Листа епископа* Мелетия Хребтовича...» от 26 октября 1591 г. из Диариуша преподобномученика Афанасия [7, стлб. 64–69] также показывает, что общим у них являлся только тип документа, а по содержанию они

разные, малосовместимые. Если просителем права согласно первому от 6 июля 1590 г. являлись «бургомистры, радцы, цехмистры православной веры закону греческого, дозорцы» [6, с. 8–10], то согласно второму от 26 октября 1591 г. – «мещане места господарского Берестейского; пан Адам Патий, каштелян Берестейский, и иные зацные их милости панове обыватели повету Берестейского ... православные» [7, стлб. 64].

Кроме того, они различаются и по объёму прав. В первом документе они сильно урезаны: «школу вольную местскую; дьяка или двух к науке; грунт местский». А для сравнения перечислим права, определенные во втором: «*приати чин* Виленского и Лвовского благословенного братства; *предел* святых боголюбивых мученик князей Российскихъ Бориса и Глеба; в пределе их братском никто жадное переказы им чинити не мает; придаемъ им *грунты и церковница* Св. Юря зо всеми пожитками, так теж грунты св. Козмы и Дамиана; братству... единочестно и единомыслно и единонравно правоверно жити, ведлуг святого православия; *священников* благоугодных, честных; *учителей* же школьных; *болницу, шпыталь* убогих своих строити; *церковное благолетие* по силе своей честно украшати; собране свое наданное маетности ... праведно справовати и рядити мають ку оздобе и потребе церковной; в напастехъ, бедахъ и въ недузехъ братам своим сановным помагати и до гробу равночестно провадити» [7, стлб. 65–69]

Таким образом, можно утверждать, что перед нами абсолютно разные акты. Зато королевский привилей от 6 июля 1590 г. и епископский фундуш от 28 января 1591 г. имеют единый круг просителей, похожий объём прав. По тем же признакам связанными являются акты от 26 октября 1591 г. и 11 октября 1592 г. Из двух групп документов большее доверие вызывает вторая, которая тесно связана с берестейским игуменом Афанасием (Филипповичем) в связи с тем, что точно известен источник их происхождения, а королевский привилей 11 октября 1592 г. подтверждён двумя источниками из разных канцелярий. Интересно, что тексты этих актов в своём Диариуше автор цитирует целиком. И, наоборот, «фундуш епископа от 6 июля 1590 г.», хотя и был внесён в гродские (замковые) книги игуменом Афанасием 8 января 1641 г., вызвал сомнение в его подлинности и у того, кто комментировал его при публикации, и у берестейского игумена, так как он в конечном итоге не разместил его текста в Диариуше, а значит не нашёл его в Варшаве в королевской метрике осенью 1641 г.

Таким образом, после тщательного анализа можно утверждать, что датой создания Брестского братства является 26 октября 1591 г.

В последнее время «Брестское православное братство почему-то начали именовать «братство при церкви св. Николая» или Никольским, Колядным и т. д. Оригинальное название части документов утеряно, но ни в одном документе именно православное братство в Бресте в XVI в. – нач. XVII в. так не именуется.

Королевский привилей от 11 октября 1592 г., который, как мы выяснили, был аутентичным, был выдан «братьи церковного братства церкви заложеня св. Николы, предела Богоявления, прозываемаго Глеба и Бориса». Ключевое слово «заложеня». Братство закладывалось при данной церкви в одном из её пределов, на который власть епископа не распространялась. А в епископском фундуше упоминается обещание братии построить храм. Во Львове братство начало создаваться именно при строительстве Успенского собора. Кафедральный

собор г. Бреста не мог быть отдан братству в самоуправление. А значит и именовать братство Никольским огромная методологическая и логическая ошибка.

Более того, в Диариуше берестейского игумена Афанасия сказано, что он, будучи в Варшаве, получил новый королевский привилей «на браство Берестейское при церкви юж Рождества Пречистое Богородицы» от 13 октября 1641 г. [7, стлб. 72, 74–75], но не сумел его «запечатать», т. е. получить печать канцлера ВКЛ. И здесь следует отметить название братства – «Берестейское» при церкви Рождества Богородицы, которую в 1633 г. король официально вернул православным. Таким образом, название православного церковного братства как «Никольское, Колядное» не корректно. Во всех научных изданиях по братскому движению оно именуется как «Брестское» (точнее – Берестейское), а в последнее время добавляют православное церковное, что чётко определяет его конфессиональную принадлежность.

Ещё более сложным вопросом является проблема ликвидации братства. Несмотря на то, что братство было создано 26 октября 1591 г., уже в 1594 г. на него начались гонения со стороны епископа Владимирского и Брестского Ипатия Потей (до принятия сана – Адама Потей, т. е. со стороны одного из его основателей). За три дня до подписания Брестской унии брестские братчики объявлены еретиками, а сразу после – владыко-отступник Ипатий Потей лично убил братского священника Павла, который подписался под Эктезисом архиепископа Никифора (Кантакузуна). В 1597 г. у братства была отобрана построенная ими школа.

Но вот что удивительно! В одном из Протестов православных жителей против Киевского митрополита Ипатия Потей в 1607 г. были зафиксированы подписи брестских мещан, в том числе «с парафии Святое Пречистое и Святого Чесного Креста Господня *за уфалою всей брати* Сак Мартинович рукою власною» [10]. То есть братство при церкви Честного Креста Господня сохранилось несмотря на гонения. А 13 октября 1641 г. святой Афанасий получил новый привилей на братство при церкви Рождества Богородицы. К сожалению, пока не выяснено, когда прекратила существование эта церковь. Одно из последних упоминаний о ней: «В 1735 г. кор. Август III даровал Берестейскому монастырю Симеона Столпника подтвердительный привилей на Рождественскую церковь [возможно, к тому времени Рождественский монастырь уже не существовал. – ин. Е. (Д.)], владение мельницей с лесами и землями» [11]. Про само братство нет упоминаний с конца XVII в. На основании анализа данных можно предложить подход к решению вопроса о прекращении деятельности Брестского братства следующим образом: 1) Брестское братство как юридическое лицо существовало в 1591–1596 гг., а затем с 1641 до неизвестного времени; 2) Брестское братство как сообщество действовало с 1591 г. до конца XVIII в.

Таким образом, название православного церковного братства как «Никольское, Колядное» не корректно, в исторических источниках оно именуется как «Берестейское» (Брестское). Его учредительными документами являются Лист епископа Мелетия от 26 октября 1591 г. и королевский привилей от 11 октября 1592 г. Брестское братство как юридическое лицо существовало в 1591–1596 гг., затем деятельность была возобновлена в 1641 г., но точная дата его ликвидации пока не выявлена. А как сообщество оно упоминается до XVIII в.

Список источников и литературы:

1. Папков, А. А. Братства: Очерк истории зап.-рус. правосл. братств / А. А. Папков. – [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, Собств. тип., 1900. – 429 с.
2. Флеров, И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях / И. Флеров. – СПб. : Издание Н. Г. Овсянникова, 1857. – 200 с.
3. Харлампович, К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви / К. В. Харлампович. – Казань : Типограф. Имп. ун-та, 1898. – XIV, 524, LXII с. 24.
4. Батвіннік, М. Б. Брацтвы праваслаўныя / М. Б. Батвіннік // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Б. І. Сачанка. – Мінск : БелЭн, 1994. – 537 с.
5. Здановіч, У. У. Берасцейскія брацтвы / У. У. Здановіч // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2-х кн. Кн. 1. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – 576 с.
6. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси : издаваемый при Управлении Виленского учебного округа (АСД): в 15 т. – Т. XI. – Вильна : Печ. Губ. правления, 1890. – 372 с.
7. Диариуш берестейскаго игумена Афанасия Филипповича // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. (40 кн.). – СПб., 1878. – Т. 4, кн. 1 : Памятники полемической литературы Западной Руси. – С. 49–156.
8. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЗР): в 5 т. – Т. 4. 1588–1632. – СПб. : Типография 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1851. – 529 с.
9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЮЗР) : в 15 т. – СПб., 1863 – 92. – Т. 1: 1361–1598. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1863. – С. 243–244.
10. Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссией : в 39 т. – Вильна : Тип. Губерн. Правления, 1865–1915. – 39 т., 1865–1915. – Т. 33 : Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. – 1908. – 651 с. – С. 171.
11. Мороз, И. Г. Брестский (Берестейский) во имя преподобного Симеона Столпника мужской монастырь / И. Г. Мороз // Православная энциклопедия: электронный вариант. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/153423.html>. – Дата публ.: 07.10.2009.